

"You are Peter, and upon this rock..."

Gospel phrase causing contradictory interpretations is considered.

Introduction

Gospel phrase "You are Peter, and upon this rock..." causes misunderstanding and contradictory interpretations. It is believed that the word Peter means stone, according to its *Greek* etymology: Peter = stone (πέτρα, πέτρι – cliff, ledge, cave, ridge, the same in Latin – *petra*, ae, f. – stone, rock). However, it follows from nowhere why this man named Simon suddenly gets the nickname "stone", which became his new "name". What does he have in common with that nickname?

His nature is in no way consistent with the expected hardness of the stone. He was the first to confess Christ, the first to deny him and to deny him again in death and again almost to deny him, until Christ had reproached him. This man is not a stone but rather a reed shaking in the wind. This is why church commentators tried, with varying degrees of persuasion, to replace Peter as a "stone" with the words he had spoken before, and even Christ himself, which also did not flow out of nowhere. Is he going to call himself a "stone"?

The end of the phrase "and upon this rock I will build my church" is not misunderstood. Something preceding this is symbolically called the foundation stone of building a new religion. But what was this symbolic foundation stone? What did Simon do, say or appear to have done, so that it could be the reason for this statement?

To understand this, you need to consider the context of the statement.

Above all, it refers to the time when *the ministry began*. The disciples, future apostles have already been gathered, the evidence of the power and abilities of the Teacher has been revealed, and some of his thoughts have been outlined. But all of this has not yet been gathered into a system, and those present do not even know what it will lead to or what the higher meaning of this craft is. And most importantly, there is no understanding of who the Teacher is.

But above all, we must try to imagine how he could perceive himself.

To do so, you need to refer to his available biographical information.

The following gospel episodes report this.

Birth

If we exclude the episode of premature birth, cave, manger among sheep, we have the following message.

By the time of birth, ambassadors from somewhere "in the East" arrive with the sole purpose of worshipping the new-born, accompanied by gifts, called the magi, traveling "for the guiding star", i.e. unknown where and from where, and left after the completion of the delivery of these gifts (albeit in another direction).

All this can mean only one thing – the arrival of vassals for the all-present greeting by royal gifts of the heir born in the *royal* family. They obviously did not wander anywhere, but strictly following the guiding star, right to the capital of the empire. You will not get lost here, because all roads lead to Rome, i.e. to Constantinople. By the way, the well-known expression "from the Varangians to the Greeks *and back*" is also interpreted by academician B. A. Rybakov as a return by *another way*. He even suggested the way by sea around Europe, so as not to row against the current of the Volga or the Dnieper, depending on where historians draw the way from the Varangians to the Greeks with arrows on the map.

Candlemas

He is then brought to the temple to perform a rite.

This episode is called a Candlemas. Nowadays, this incomprehensible word is translated as just "meeting". Who and with whom? A temple priest with a baby brought into the temple.

This can be compared to an episode in the movie "The Man with the Gun", when the character distractedly drops the kettle, runs off somewhere with his eyes goggled to alert others with enthusiastic words: "Comrades! Comrades! I just talked to Lenin!!!"

This episode means "the recognition of deity."

The point of what's probably happening is as follows. A horoscope is made up for the royal anointed, which gives a prediction of the future (certainly divine and brilliant according to his rank), which, of course, is remembered by the mother and subsequently constantly reminded by her.

Beating of babies

The received forecast is discussed by the next of kin and interpreted as unsafe for the emperor and possibly also the high priest. Due to dynastic considerations, the issue of eliminating this danger is raised.

The surroundings make or impose on the king a radical decision by killing a divine heir, probably along with his milk brother (the breadwinner's son) so that he would not be replaced for the purpose of salvation. The mother is warned of the conspiracy in advance, after which she and the infant and faithful servant, fictitiously called her husband, disguised as commoners, run off somewhere "to Egypt". Probably to the mother's homeland, where the life of the royal child is no longer in danger.

Childhood and adolescence

Subsequent maturation is undoubtedly accompanied by repeated reminders of previous episodes with the obligation to return ancestral *violated* rights. This is probably what any mother would do if she had a clear prediction of her son's future fate.

In which, moreover, magical abilities are manifested and continuously increasing, further supporting the mother's stories with the need to take decisive action when he reaches adulthood. The question is how and which (royal, high priestly or both) rights should be returned and in what sequence.

This is his hesitation at the beginning of the ministry [1].

The recognition and support of the right surroundings must also be determined. First as a great wizard, and then probably as a king. To do this, he needs to *partially* open up to his comrades-in-arms, because what is planned remains a great mystery until the time.

Assessment of the situation

So, the situation is clear. There is justice violated with the need to restore it. But how to do it? There's only one way. *Individual* injustice must be made *common*, which must be corrected by collective efforts. A people's outrage must be created or denoted, which must then be led, because only he knows exactly what the injustice is and how it must be corrected. In other words, it is necessary to become a *people's leader*.

Mission of the people's leader

Here comes the theme of *salvation*. Mass panic moods of an untimely state and near or inevitable death are artificially formed from time to time. The world is declared not only not to be perfect, which is trivial, but to follow the path of destruction. It rolls to an abyss, the inevitability of which can, however, be prevented if you accept a pre-prepared recipe for salvation, proposed at the

right time. To do this, you need to give up less (available) to get more (in the uncertain but certainly bright future). The company is represented by a certain saviour or Messiah in asserting the uniqueness of the proposed salvation path. He begins the struggle against the existing order, represented by the ruler, in order to destroy the untruth and the establishment of truth "for all good against all bad" and "universal" happiness, expressed in the fact that the winners must master all the available benefits after the revolution and dispose of them in their own way for a thousand years (the human fantasy is just not enough for a longer period, and that's enough for our age).

In other words, the imperfection of the world allowed for some reason by the creator must be corrected. This, of course, is not his, but someone else's fault, which caused the *damage* of the originally perfect world. It can be personalized, then the culprit should simply be called to account, or universal, when many, if not all need to repent and correct. This is understood, of course, in the abstract, because the bearers of "truth" and "justice", preparing to act as bailiffs, do not have such shortcomings, so that universal repentance is not personally attributed to themselves, and they have already prepared the answer to any counter accusation: "And you are like us?"

The illustration is the movie "We are from Kronstadt", in which the implicit real murder of the Tsarevich is JUSTIFIED by the *cinematic* murder of another child, accompanied by the words: "Herods, have mercy on the child" – a direct reference to the gospel story.

Messiah is the saviour

Thus, the Messiah must appear in power and glory, capable of overturning the resistance of all who must lose it all. The more power, the more adepts who have joined him, so the Messiah's way of life is predictable - a continuous growth of influence and strength in the beginning and a catastrophic collapse and inevitable death in the event of failure, where the same people who enthusiastically greet him in a moment of success are the first ready to tear himself up in the event of failure, as did not justify their "best" hopes.

This is presented in the texts of the gospels: first they welcome Christ as triumphant, saviour and king, then they mock all sorts of things at his sudden arrest as suddenly "woke" ones, who saw nothing but his insolent deception. A sect of fanatics is formed, unwavering supporters, eager for revenge with the victorious return of the Teacher, though dead, but resurrected to judge all in a terrible but fair trial and take revenge on their abusers and their descendants. This time certainly in strength and glory. This is what the expected second coming of him looks like.

Commencement of ministry

His question about what his disciples consider him to be so far, whose mission is to spread the truth he has discovered everywhere, relates to this very moment in the beginning of his ministry, but simply to his speech. To spread the truth, it is communicated "in secret", as this is the best way to securely disclose it.

They already know that this is a *great magician* capable of performing a variety of miracles. But first, it is necessary to determine where he gets this power from, whether from *light* or *darkness*, to whom it serves and what are its limits? After all, even now, the church invariably declares this kind of ability, called magical or psychic, as a *temptation* of darkness, not *gifts* of light, following the accusers of the Teacher, the future execution of which has not only a political background but the worst assumption.

They had to declare the *best*. But how could they do that? To announce that he is the son of God and the Messiah you expect? And how will this be accepted? With doubt and distrust, like a ridiculous statement "I am a genius Igor Severyanin!" Aren't there a few other magicians or prophets, who are also quite powerful...

Psychological problem

Therefore, such truth must be discovered and proclaimed not by him, but by someone else, which determines the meaning of his restless questions "For *whom* do they revere me?", as if implying "for whom *you know*" and dissatisfaction with the *random* answers received. "Some say John the Baptist; others say Elijah; and still others, Jeremiah or one of the prophets." Here one could suppose the second incarnation, but not in relation to John the Baptist, who had recently baptized the Teacher and was already in incarnation. The question was, therefore, about magical or prophetic equality, which meant that he was not the one whom John had prophesied "Someone is coming after me who *is far greater* than I am."

Search for wording

The dissatisfaction of the Teacher with such answers is understandable until the one, who, like the first *rooster* feels the approaching morning dawn in the darkness of general misunderstanding, has suddenly proclaimed (or shouted) this dazzling guess: "You are the Christ, the son of the living God!" That is, not one of the *former*, but a completely new and awaited *future* Messiah, which is the *symbol of faith* of the new religion. It is clear that this is the answer he had been waiting for, and hence his subsequent words, "Blessed art thou, Simon Barjona: for flesh and blood hath not revealed it unto thee, but my Father." As well as the unexpected "renaming" of Simon, thus called "Peter", what is the name that must be revealed.

Communication to others

So, the guess we found was formulated. But how could it now be communicated to *others* who just might not understand it? There's a psychological problem again. If you say: "You are right. Why do I hide it? I am the King" like in *Scandal in Bohemia* of Arthur Conan Doyle, then it's almost the same thing you'd say about yourself.

In fact, there should be a modern expression like "Yes, right" or "You're right, and on this basis...", further as the text goes.

However, the direct confirmation here is akin to his own statement, psychologically undesirable, avoided by him.

The answers of the Teacher are intentionally metaphorical, using similarities (perhaps for the sake of best memorization by ear), as evidenced by the often encountered "as if" turn.

Caution is required in this case of *proclamation*, appropriate only in afterlife.

Indirect confirmation

So, he does not say directly either "yes" or "no", although he does not express any condemnation for this "excessive" praise. On the contrary, he praises Simon for this *faith* as if it were just an opinion.

It's like saying "you're very pretty" to a woman and getting "thank you" back. And after you add "you're THE MOST beautiful" – "thank you for this FAITH."

What can the word "faith" mean in this case? Do we not say "I adore you" to those we love? Which directly means "I consider you a deity or even a God"!

It means that what Simon said may well express only a great love for the Teacher. Who said that God is love!

Therefore, it is not enough to praise Simon for this love, but to confirm, though not directly, his CORRECTNESS, which was expressed in the "mysterious" phrase he said.

Calling him Peter, the *messenger* of "good news" (Greek gospel), like the first rooster, announcing the approaching morning. And this good news was the foundation stone of the future new faith.

Poetically extremely rich, concise and figurative statement "You are Peter, and upon this rock..." in a detailed form means: "You are ROOSTER, *the messenger (bringer) of good news (gospel), which is the foundation stone of the new faith*, and upon this rock...", further as the text goes.

Here the word Peter is not a name, but a semantic nickname that has now become a name. Its meaning is a rooster, announcing the approaching morning, just as Simon, too, was the first messenger to call out the new great truth. This *Russian* nickname (*Петр* (Peter) = *Петя* = *петух* (rooster), from the word *петь*) means that the Teacher, the son of an alleged carpenter, knows perfectly well not only the Aramaic attributed to him, but also Russian.

So, the hypothesis put forward is that the nickname "Peter" does not mean "stone", but a *rooster*, which is already obtained directly in Russian, not in Greek, although it is placed in the Greek text.

Of course, the Russian understanding by present-day historians is considered impossible, for which purpose "antiquity" was invented, which was deliberately moved away from the "first mention" of Russia for the millennium in order to exclude any attempt to compare the Gospel events with the name of Russia or the Russian language. Usually it is expressed about as follows: "the astonished Europe has *suddenly found* out existence of the huge state of Russia" somewhere during sovereign Ivan III.

Turning even the ambassadors "from somewhere in the East", which arrived at the exact time and place with the sole purpose of welcoming a newborn (heir) with *royal* gifts, into some magi traveling "for the guiding star", unknown where and from where, and returning after the completion of this mission (albeit in another direction).

All these are consequences of Great Distemper - the Bible mix (confusion) of languages (peoples) of Russia, accompanied by deliberate blackouts and discrepancies.

That is tried to hide in every possible way after defeat and the subsequent dismembering of Russia during Great Distemper, as well as existence of it and Russian language in an epoch of gospel events by means of the false dating which have led to occurrence of this "unsolvable" linguistic problem.

Is there any other comparison between Simon and the rooster in the Gospels? Yes, and very vivid. After all, he was the one who boasted that he was ready to die immediately for and with the Teacher "I am ready to go to prison with you, and even to die with you" and even *allegedly* cut off the ear of some guard, for which he should have been killed immediately on the spot. That's what they call it *распентушиться* (get on one's high horse) in Russian.

And it is Teacher who tells him that "Before the rooster crows, you will disown me three times" (i.e. *definitively*). This is how everything happens as a confirmation of the *rooster* nature of Simon. It's not for nothing that criminals call dropped ones as *roosters*. And the first one to be dropped is Simon, who has renounced Christ. He is also a symbol of "practicality".

He later recognized the teacher three times (also *definitively*) posthumously. But he again "firmly" flees Rome "at the request of the workers", thrown to the mercy of his fate, at the risk of death.

And only when he met the Teacher, who had announced to him that he was going to be crucified anew, did he, according to legend, shame himself and return to voluntarily indulge in torment (he was probably just captured).

In short, Peter was not an *oriental* FANATIC by nature, but rather a *Western* pragmatist like the current Communists, who also veer about like a weathercock. Peter's merit was not at all in his stone hardness (which he had not), but in the fact that he was the *FIRST* to recognize the Teacher and openly proclaim it.

But the interpretation that if not Peter, then the Teacher is a "stone" is also refuted by his words "O My Father, if it is possible, let this cup pass from Me", continued with a sigh of submission "Not my will, however, but your will be done." In other words, he simply had no choice here.

So, the only "stone" in the Teacher's phrase is the very symbol of faith expressed by the *rooster* crowing of Peter: "Thou art the Christ, the Son of the living God," which became the *foundation stone* of the new great truth. There are simply no other stones.

Since Peter, who was called the *key man*, was chosen as the mystical head of the Western church (but not the Eastern), his new "name" was, of course, questionable in the West. The nickname Rooster, first *honorable*, then *ambiguous*, tainted by a reminder of impermanence, evolved towards some disguise: *Петр=Петер=Папеп=Папа* (Pope). Following collapse of medieval Russia, meaning of this nickname have been tried to forget together with its language, that not to tempt believers. At the same time, however, the image of the Rooster, deliberately obscured by vague interpretations, was preserved in the multitude of Western churches instead of the cross, symbolizing Peter, not Christ, which should have served as an obvious heresy in the understanding of the Eastern Church and was mockingly defeated by Pushkin in the "Golden Rooster".

Its use as a *weathercock* on churches, no longer identified with Peter, is evasively called a symbol of *vigilance against all kinds of evil*, or its *disingenuity*, disguised by the legend of also painful death

It is also called the "Gallic rooster", symbolizing the *Catholic* France. In Latin, the rooster is *gallus*, a slight distortion of the *Russian ГОЛОС* (voice), which we give as a command to the dog.

Explanatory illustrations

An example of the Western (Catholic) Church of Peter. Here is Latvia, St. Peter's Church. Who else, if there is a rooster at the top.

Fig. 1. Riga, St. Peter's Church.

Here he is at the coin:

Fig. 2. The same rooster on the spire of St. Peter's Church in Riga, depicted on a coin.

Here are some more images (Fig. 3-5).

Fig. 3. *Weathercock*, symbolizing Peter's "constancy".

Fig. 4. Here is Jerusalem.

Fig. 5. And this is Ireland.

Here is something similar in *Russian* Cathedral of Saint Demetrius in Vladimir (Fig. 6).

Fig. 6. Cathedral of Saint Demetrius, Vladimir.

But it is no longer a rooster, but a dove, a symbol of the Holy Spirit who flew upon Christ at the time of his baptism, and symbol of Christ himself, not one of his apostles, even if he was a key man.

It is no wonder that Peter the Great, a protege of the West, bears this name, and his new capital is named in the same way.

Here's another selection (Fig. 7).

Fig. 7. Rooster in the spires of Western churches

What's that rooster shouting about, flying up the spires of Catholic churches? He obviously proclaims the "good news" (Greek for "gospel") of Simon: "You are the Christ, the son of the living God!"

And at the same time testifies to the *Russian* meaning of the name Peter, which supposedly did not exist in the Gospel era, and that is why this linguistic problem arose.

References

1. Somsikov A.I. Gospel reflections in folk tales <http://sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/8714.html>

Примечание. Это перевод с русского языка на английский. Оригинальный авторский текст дается ниже.

«Ты – Петр, и на этом камне...»

Рассмотрено евангельское выражение, вызывающее противоречивые толкования.

Введение

Евангельское выражение «Ты – Петр, и на этом камне...» вызывает непонимание и противоречивые толкования. Считается, что слово Петр означает именно камень, согласно его *греческой* этимологии: Петр=камень (*пéтра, пéτρη* – скала, утес, каменная глыба, то же и по-латыни – *petra, ae, f.* – скала, камень). Однако ниоткуда не вытекает, почему это человек по имени Симон вдруг получает прозвище «камень», ставшее его новым «именем». Что общего у него с этим прозвищем?

Его характер несколько не соответствует предполагаемой твердости камня. Он первым признал Христа и первым же от него отрекся, затем в посмертии повторно его признал и снова чуть было не отрекся, пока явившийся лично Христос его в этом не укорил. Этот человек отнюдь не камень (по-русски говорится «кремень»), скорее тростник ветром колеблемый. Поэтому церковные толкователи и пытались с разной степенью убедительности заменить Петра в качестве «камня» сказанными им перед этим словами и даже самим Христом, что тоже ниоткуда не вытекает. Самого себя, что ли он станет называть камнем?

Окончание высказывания «и на этом камне я создам церковь мою» непонимания не вызывает. Нечто, предшествующее сказанному, символически названо закладным камнем начала строительства новой религии. Но что же явилось этим нечто, объявленным символическим закладным камнем? Что такого сделал, сказал или явил собой Симон, чтобы оно могло послужить причиной этого заявления?

Чтобы разобраться в этом, нужно рассмотреть контекст высказывания.

Прежде всего, оно относится ко времени *начала служения*. Уже собраны ученики, будущие апостолы, явлены свидетельства силы и способностей Учителя, изложены некие его мысли. Но все это пока еще не собрано в систему и присутствующие даже не подозревают, к чему оно приведет и в чем высший смысл этого промысла. А главное отсутствует понимание, кто такой сам Учитель.

Но, прежде всего, нужно попытаться представить, как он сам мог воспринимать себя.

Для этого необходимо обратиться к его имеющимся биографическим сведениям.

Об этом сообщают следующие евангельские эпизоды.

Рождение.

Если исключить эпизод с преждевременными родами, пещерой, яслями среди овец, имеем следующее сообщение.

К моменту рождения откуда-то «с Востока» прибывает посольство с единственной целью поклонения новорожденному, сопровождаемому поднесением даров. Названное волхвами, т.е. магами, путешествующими «за путеводной звездой», т.е. неизвестно куда и откуда, а после завершения миссии вручения этих даров возвратившихся восвояси (хотя и иным путем).

Все это может означать только одно – прибытие вассалов для всеподданнейшего приветствия *царственными* дарами наследника, родившегося в царской семье. Очевидно, что они брели отнюдь не куда попало, а строго за путеводной звездой, прямо в столицу империи. Тут не заблудишься, поскольку все дороги ведут в Рим, т.е. в Царьград. Между прочим, известное выражение «из варяг в греки *и обратно*» тоже толкуется акад.Б.А.Рыбаковым как возвращение восвояси *иным путем*. Он даже предположил – морем

вокруг Европы. Чтобы не грести против течения по Волге ли, по Днепру, в зависимости от того, где историки нарисуют стрелочками на карте путь из варяг в греки.

Сретение.

Дальше следует его принесение во храм. С целью выполнения некоего обряда.

Этот эпизод называется «сретением». Ныне это уже непонятное слово переводится как просто «встреча». Кого и с кем? – Храмового священника с внесенным во храм младенцем.

Это может быть сопоставлено с эпизодом из кинофильма «Человек с ружьем». Когда герой растерянно роняет чайник, бежит куда-то с вытаращенными глазами, чтобы оповестить окружающих восторженными словами: «Товарищи! Товарищи! Я только что разговаривал с ЛЕНИНЫМ!!!»

Этот эпизод означает «узнавание божества».

Смысл происходящего, вероятно, сводится к следующему. Царственному помазаннику составляется гороскоп, по которому дается предсказание будущего. В соответствии с его рангом, безусловно, божественного и блестящего. Что, конечно, запоминается матерью и впоследствии постоянно ею напоминает.

Избиение младенцев.

Полученный прогноз обсуждается ближайшими родственниками и истолковывается как небезопасный для царя и, возможно, также первосвященника. С учетом династических соображений встает вопрос об устранении этой опасности.

Окружением принимается или навязывается царю решение о радикальном решении путем убийства божественного наследника. А чтобы его не подменили с целью спасения, вероятно, вместе с молочным братом (сыном кормилицы). О заговоре мать заблаговременно предупреждает, после чего она с младенцем и верным слугой, фиктивно называемым ее якобы мужем, переодетые простолюдинами бегут куда-то «в Египет». Вероятно, на родину матери, где жизни царственного младенца уже ничто не угрожает.

Детство и юность

Последующее взросление, несомненно, сопровождается многократным напоминанием предыдущих эпизодов с обязанностью возвращения исконных *попранных* прав. Вероятно, так поступает любая мать, имевшая случай получить явное предсказание о будущей судьбе своего сына.

В котором к тому же проявляются и непрерывно возрастают магические способности, дополнительно подкрепляющие рассказами матери с необходимостью принятия решительных мер по достижении зрелого возраста. Вопрос состоит в том, как и какие права следует возвращать и в какой последовательности – царские, первосвященнические или же оба сразу.

В этом и состоят его колебания к моменту начала служения [1].

Нужно также определиться с признанием и поддержкой верного окружения. Сначала – великим магом, а после, вероятно, уже и царем. Для этого ему необходимо соратникам *частично* открыться. Поскольку намечаемое до времени остается великой тайной.

Оценка сложившейся ситуации

Итак, ситуация в целом понятна. Есть попранная справедливость с необходимостью ее восстановления. Но как это сделать? – Здесь путь один. Необходимо *индивидуальную* несправедливость сделать *всеобщей*. Которую коллективными усилиями необходимо

исправить. Требуется создать или обозначить народное возмущение, которое затем возглавить. Поскольку только он один в точности знает, в чем именно состоит выявленная несправедливость и как ее следует исправлять. Другими словами необходимо становиться *народоводителем*.

Миссия народоводителя.

Здесь возникает тема *спасения*. Время от времени искусственно формируются массовые панические настроения безвременного состояния и близкой или неизбежной гибели. Мир объявляется не просто не совершенным, что тривиально, но идущим по гибельному пути. Он катится к пропасти, неизбежность которой можно, однако, предотвратить, если принять заранее подготовленный и в нужный момент предложенный рецепт спасения. Для этого нужно отказаться от меньшего (имеющегося в наличии), чтобы взамен получить большее (в неопределенном, но обязательно *светлом* будущем). Предприятие олицетворяется неким спасителем или Мессией при утверждении единственности предлагаемого им спасительного пути. Он начинает борьбу против существующего порядка, олицетворяемого правителем, с целью уничтожения неправды и учреждения правды «за все хорошее против всего плохого» и вместе с ней – «всеобщего» счастья. Выражаемого в том, что после осуществления революции победители должны овладеть всеми имеющимися благами и далее ими по-своему распоряжаться – тысячу лет (далее человеческой фантазии попросту не хватает, на наш же век и этого вполне хватит).

Словом, необходимо исправить несовершенство мира, допущенного почему-то творцом. В этом, конечно, усматривается не его, а чья-то вина, вызвавшая произошедшую *порчу* изначально совершенного мира. Она может быть персонифицированной, тогда виновника следует просто призвать к ответственности, или всеобщей, когда уже многим, если не всем необходимо раскаяться и исправиться. Это понимается, конечно, абстрактно, поскольку сами носители «правды» и «справедливости», готовясь выступить судебными исполнителями, такими недостатками не обладают. Так что всеобщее покаяние лично к себе не относят. И на любое встречное обвинение у них уже заранее заготовлен ответ: «А вы нас как?»

Иллюстрацией может служить фильм «Мы из Кронштадта», в котором подразумеваемое *реальное* убийство царевича ОПРАВДАНО *кинематографическим* убийством другого ребенка. Сопровождаемым при этом словами: «Ироды, ребенка-то пощадите», – прямое обращение к евангельскому сюжету.

Мессия это спаситель.

Итак, Мессия должен предстать в силе и славе, способной опрокинуть сопротивление всех, кому предстоит все это потерять. Чем больше сила, тем больше примкнувших к нему adeptов. Поэтому жизненный путь Мессии предсказуем – вначале непрерывный рост влияния и силы, а в случае неудачи катастрофическое крушение и неизбежная гибель. Где тот же самый народ, который восторженными криками приветствует его в момент успеха, первым готов собственноручно растерзать при неудаче, как не оправдавшего его «лучших» надежд.

Это представлено в текстах Евангелий. Вначале Христа приветствуют в качестве триумфатора, спасителя и царя, затем при внезапном его аресте всячески издеваются в качестве внезапно «прозревших», увидевших вдруг с его стороны всего лишь наглый обман. Попутно формируется секта фанатиков, непоколебимых сторонников, жаждущих реванша. С победоносным возвращением Учителя, хотя и погибшего, но воскресшего, чтобы судить всех страшным, но справедливым судом и отомстить своим обидчикам и их потомкам. И уж на сей раз непременно в силе и славе. Так выглядит ожидаемое его Второе пришествие.

Начало служения.

Как раз к такому моменту начала служения, а попросту – выступления относится его вопрос, кем именно его считают пока что ближайшие ученики. Миссия которых заключается в повсеместном распространении открывшейся им истины. Для этого она сообщается «по секрету» поскольку это наилучший способ надежного разглашения.

Им уже и так ясно, что это *великий маг* способный творить разнообразные чудеса. Но прежде всего нужно определить откуда у него такая сила – от *света* или от *тьмы*, кому она служит и каковы ее пределы? Ведь и теперь такого рода способности, называемые магическими или экстрасенсорными, церковь неизменно объявляет *искушением* тьмы, а вовсе не *дарами* света. Вслед за тогдашними обвинителями самого Учителя. Будущая казнь которого помимо политической подоплеки состоялась по обвинению в *худшем* предположении.

Требовалось же декларировать *лучшее*. Но как это сделать? Взять и самому во всеуслышание объявить – я сын Божий и ожидаемый вами Мессия? И как это будет воспринято? – Психологически явно с сомнением и недоверием. Подобно нелепому заявлению «Я – гений Игорь Северянин!» Да мало ли и других магов или пророков, тоже весьма могучих...

Психологическая проблема

Поэтому требуется, чтобы такую истину открыл для себя и провозгласил, конечно, не он сам, а кто-то другой. Чем и определяется смысл его беспокойных расспросов – «За кого они почитают меня?» как бы подразумевающих «за кого *из известных вам*» и неудовлетворенности от получаемых *случайных* ответов. «Иные говорили одно, другие другое, одни – за Иоанна Крестителя, другие – за Илию, а иные – за Иеремию или за одного из пророков». Здесь можно было бы предполагать повторное воплощение, но только не в отношении Иоанна Крестителя, недавно крестившего Учителя и уже пребывавшего в воплощении. Речь, стало быть, шла о РАВЕНСТВЕ – магическом или пророческом. Означавшем, что он *не тот*, о котором пророчествовал сам Иоанн – «Идущий за мною *больше* меня».

Поиски формулировки

Понятна неудовлетворенность Учителя такими ответами. До тех пор, пока, наконец, во мраке всеобщего непонимания не отыскался тот, кто подобно первому *петуху*, почувствовавшему приближение утреннего рассвета, внезапно провозгласил (или же прокричал) эту ослепительную догадку: «Ты есть Христос, сын Бога живого!». То есть не кто-то один из *прежних*, а наоборот совершенно новый и всеми ожидаемый *будущий* – Мессия. В чём и состоит *символ веры* новой религии. Ясно, что именно подобный ответ он и ждал. Поэтому вполне понятны его последующие слова «блажен ты, Симон, ибо не сам ты это постиг, а Бог тебе это открыл». Как и неожиданное «переименование» Симона, названного при этом «Петром». Каковое наименование и требуется раскрыть.

Донесение до других.

Итак, найденная догадка получила формулировку. Но как теперь донести ее до *других*, которые просто могли этого не понять? Здесь снова возникает психологическое затруднение. Просто сказать как в рассказе Конан-Дойля «Скандал в Богемии» – «да, я король, к чему скрывать?» – получится почти то же самое, что и самому о себе это провозгласить.

По существу здесь должно бы стоять в современном выражении что-нибудь вроде «Да, верно» или «ты прав, и на этой основе...» далее по тексту.

Однако здесь прямое подтверждение сродни избегаемому им собственному заявлению, психологически нежелательному.

Ответы Учителя и вообще намеренно метафоричны, использующие подобию (возможно, в целях наилучшего запоминания на слух), что подтверждается часто встречающимся оборотом «подобно тому, как...»

Особенно же необходимо проявление осторожности именно в данном случае *провозглашения*, уместного разве в посмертии.

Косвенное подтверждение

Поэтому он и не говорит прямо ни «да», ни «нет», хотя и не выражает порицания за эту «чрезмерную» похвалу. Напротив, сам хвалит Симона за эту *веру*, как если бы она была просто мнением.

Это примерно как если бы сказать женщине «ты очень красивая» и получить в ответ – «спасибо». А после добавить «ты САМАЯ красивая» – «спасибо за эту ВЕРУ».

Ведь что в данном случае может означать слово «вера»? Разве мы сами не говорим тем, кого сильно любим - «я тебя *обожаю*»? Что прямо и означает – считаю тебя божеством или же прямо Богом!

А значит, сказанное Симоном вполне может выражать всего лишь проявленную им большую любовь к Учителю. Который так и сказал – Бог есть любовь!

Поэтому недостаточно похвалить Симона за эту любовь, но и подтвердить, хотя и не прямо его ПРАВОТУ. Что и было выражено в сказанной им «загадочной» фразе.

Назвав его Петром – *вестником* «благой вести» (греч. – евангелие), подобным первому *петуху*, извещающему о приближении утра. И эта благая весть явилась закладным камнем будущей новой веры.

Поэтически предельно насыщенное, краткое и образное высказывание «Ты – Петр, и на этом камне...» в развернутом виде означает: «Ты ПЕТУХ – *вестник (глашатай) благой вести (евангелия), явившейся закладным камнем новой веры*, и на этом камне...» далее по тексту.

Здесь слово Петр это не имя, а смысловое прозвище, отныне ставшее именем. Его значение – ПЕТУХ, возвещающий о приближении утра. Подобно которому Симон тоже вестник, первым выкрикнувший новую великую истину. Причем это *русское* прозвище (Петр=Петя=петух, от слова *петь*) означает прекрасное знание Учителем, сыном якобы плотника, отнюдь не одного лишь приписываемого ему арамейского, но и русского.

Итак, выдвигаемая гипотеза состоит в том, что прозвище «Петр» означает вовсе не «камень», а *петух*. Что уже получается прямо по-русски, а не по-гречески. Хотя и помещено в греческом тексте.

Разумеется, русское понимание нынешними историками считается невозможным. Для чего и изобреталась «античность», специально отодвигаемая во времени от «первого упоминания» Руси на тысячелетие, чтобы исключить любую попытку сопоставления евангельских событий с одним только именем Руси или русского языка. Обычно это выражается примерно так: «изумленная Европа *вдруг обнаружила* существование огромного государства Руси» где-то во время государя Ивана III.

Превратив словесно даже посольство «откуда-то с Востока», прибывшее в точное время и место с единственной целью всеподданнейше приветствовать *царственными* дарами новорожденного (наследника), в каких-то волхвов, путешествующих «за путеводной звездой», неизвестно куда и откуда, и возвратившихся восвояси (хотя и иным путем) после завершения этой миссии.

Все это последствия Великой смуты – библейского смешения (смущения) языков (народов) Руси. Сопровождаемого умышленными затемнениями и недоговорками.

Что после разгрома и последующего расчленения Руси в ходе Великой смуты всячески пытаются скрыть, как и само ее существование и соответственно русского языка в эпоху евангельских событий. Посредством ложных датировок, приведших к возникновению этой «неразрешимой» лингвистической проблемы.

Есть ли в евангелиях еще какое-либо сопоставление Симона именно с петухом? – Да, и притом очень яркое. Ведь это именно он хвастал, что готов тут же умереть за и вместе с Учителем «с тобой я готов и в тюрьму и на смерть идти» и даже *якобы* отрубил ухо какому-то стражнику, за что должен был, конечно, тут же убит на месте. По-русски это и называется *распетушиться*.

И это *ему* говорится Учителем, что не пропоет трижды *петух* и ты трижды же, т.е. *окончательно* от меня отречешься. Так все и происходит в подтверждение *петушиной* сущности Симона. Не зря ведь воры «опущенных» называют именно *петухами*. И первым таким опущенным стал Симон. Сходу отрекшийся от Христа. Он также символ «практичности».

Впоследствии он снова трижды (тоже окончательно) повторно признал учителя уже посмертно. А при возникновении угрозы жизни он снова «твердо» бежит из Рима «по просьбе трудящихся», бросаемых им на произвол судьбы.

И лишь при встрече с самим Учителем, объявившим ему, что тот идет, чтобы быть распятым заново, он по легенде *якобы* устыдился и возвращается, чтобы добровольно предаться мучениям (был, вероятно, попросту схвачен).

Словом, по характеру Петр не был *восточным* ФАНАТИКОМ, скорее *западным* прагматиком. Подобно нынешним коммунистам, тоже флюгерам, ловящим ветер. Заслуга Петра вовсе не в его каменной твердости (которой не было), а в том, что он ПЕРВЫМ признал Учителя и открыто это провозгласил.

Но и толкование, что если не Петр, то сам Учитель является «камнем» тоже опровергается его словами «Господи, да минует меня чаша сия», продолженными со вздохом покорности «но пусть будет воля твоя, а не моя». Другими словами здесь у него просто не было выбора.

Так что единственным «камнем» в фразе Учителя является сам символ веры, выраженный *петушиным* криком Петра: «Ты есть Христос, сын Бога живого». Ставший *закладным камнем* новой великой истины. Никаких других камней попросту нет.

Поскольку Петр, названный *ключником*, избран мистическим главой Западной церкви (но не Восточной), его новое «имя» вызывало, конечно, сомнения и на самом Западе. Прозвище Петух вначале *почетное*, затем *двусмысленное*, запятнанное напоминанием о непостоянстве, эволюционировало в сторону некоторой его маскировки: Петр=Петер=Патер=Папа. С крушением средневековой Руси смысл этого прозвища постарались и вовсе забыть вместе с ее языком, дабы не искушать верующих. При этом, однако, изображение Петуха, намеренно затуманенное неясными толкованиями, во множестве сохранилось на западных церквях взамен креста, символизируя собой Петра, а не Христа. Что в понимании Восточной церкви должно было служить явной ересью. И было насмешливо обыграно Пушкиным в «Золотом петушке».

Его использование в качестве *флюгера* на церквях, уже не отождествляемое прямо с самим Петром, уклончиво называют символизирующим *бдительность по отношению ко всякого рода злу*. Или же его *изворотливость*, маскируемую легендой о тоже мучительной гибели.

Его еще называют «галльским петухом», символизирующим собой *католическую Францию*. По-латыни петух это *gallus*. Легкое искажение *русского* ГОЛОС. Которым у нас подается команда собаке.

Поясняющие иллюстрации.

Пример Западной (католической) церкви Петра. Здесь Латвия – церковь Петра. Кого же еще, раз наверху разместился Петух.

Рис. 1. Рига, церковь святого Петра.

Вот он на монете более крупно:

Рис. 2. Тот же петух на шпиле рижской церкви святого Петра, изображаемый на монете.

Вот еще изображения Рис. 3 – 5.

Рис. 3. Петух в виде *флюгера*, символизирующего «постоянство» Петра.

Рис. 4. Здесь Иерусалим.

Рис. 5. А это Ирландия.

Вот еще нечто похожее на *русском* Владимир Дмитриевском соборе Рис. 6.

Рис. 6. Владимир Дмитриевский собор.

Но это уже не петух, а голубь – символ Святого Духа. Слетевшего на Христа во время его крещения. Символизирующего самого Христа, а вовсе не одного из его апостолов. Пусть даже и ключника.

Не удивительно, что и царь Петр, – ставленник Запада, – носит и сам это имя, и его новая столица названа так же.

Вот еще подборка Рис. 7.

Рис. 7. Петух на шпилях западных церквей.

О чем же кричит этот Петух, взлетевший на шпили католических храмов? – Естественно, провозглашает Симонову «благую весть» (по-гречески «евангелие»): «Ты есть Христос, сын Бога живого!»

И вместе с этим свидетельствует о *русском* значении имени Петр. Якобы вовсе не существовавшем в евангельскую эпоху. Отчего и возникла эта лингвистическая проблема.

Литература

1. Сомсиков А.И. Евангельские отражения в народных сказках <http://sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/8714.html> .